

ВЛАДИМИР  
КОЛГАНОВ

# ПЕРВМАНН



И Л И

# БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Владимир Колганов  
**Герман, или Божий человек**

«Центрполиграф»

2014

## **Колганов В. А.**

Герман, или Божий человек / В. А. Колганов —  
«Центрполиграф», 2014

Эта книга рассказывает о династии писателей и кинорежиссеров. Юрий Павлович Герман – популярный в 30—60-х годах прошлого века драматург и романист. Алексей Юрьевич и Алексей Алексеевич Германы писали сценарии и снимали фильмы, которые привлекли внимание и кинокритиков, и зрителей, и членов жюри кинофестивалей. Задача, которую поставил перед собой автор, – попытаться найти истоки творчества, понять психологию творца и объяснить, хотя бы для себя, почему столь разными путями шли к успеху Юрий Герман, его сын и внук. Если допустить, что все определяется только временем, эпохой, мы вряд ли что-нибудь поймем. И при советской власти, и в постперестроечной России писатели и кинорежиссеры создавали свои произведения, по-разному воспринимая события окружающей их жизни и воплощая замыслы в соответствии с собственным мировоззрением и представлением о том, что нужно читателю и кинозрителю. Так что без анализа биографии и родословной здесь не обойтись, впрочем, как и без рассказа о тех людях, которые окружали героев этой книги на протяжении их жизненного пути.

© Колганов В. А., 2014

© Центрполиграф, 2014

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Родословная              | 6  |
| Глава 2. Вступление               | 14 |
| Глава 3. Лапшин, Жмакин и другие  | 19 |
| Глава 4. Я отвечаю за все         | 26 |
| Глава 5. Дорогой мой человек      | 32 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 36 |

# Владимир Колганов

## Герман, или Божий человек

© Колганов В.А., текст, 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

Негг манн – говорят, что в переводе с немецкого языка это означает «Божий человек». Если так, то эта книга о трех поколениях «божких людей». Об одном, замечательном советском писателе, уже основательно забыли. Другой, известный кинорежиссер, за свою жизнь сделал все, что смог, и тем заслужил признание немалого числа зрителей. Ну а у третьего, тоже кинорежиссера, полагаю, звездный час еще где-то впереди.

Прежде чем начать рассказ, приведу отрывок из статьи Алексея Германа, опубликованной в 1979 году:

«Украшать, приподнимать, романтизировать человека, по-моему, как-то неловко. Как стыдно бывает смотреть фильмы, рассказывающие о человеке в такой вот приукрашивающей манере, возникающей то ли на основе чистых заблуждений, то ли осознанной конъюнктурности. Человек заслуживает лучшего, большего. Его нужно постигать, не боясь в нем разочароваться».

Я попытаюсь следовать этому пожеланию Алексея Юрьевича.

*От автора*

## Глава 1. Родословная

При анализе творчества любого художника невозможно обойтись без выяснения того, кто были его предки, каким занятиям посвятили свою жизнь, каковы были их взаимоотношения с властью, поскольку многое из того, что было им присуще, если и не передается по наследству, то вполне может повлиять на мировоззрение даровитого потомка. Поэтому прежде, чем приступить к жизнеописанию Юрия Павловича Германа, популярного в середине прошлого века писателя, расскажу о других представителях семьи, иными словами, попытаюсь составить родословную.

Начну с того, что сын Юрия Павловича, Алексей, говорил по поводу своих корней:

«Я, например, на четверть еврей, на три четверти русский. Я всегда говорю, что я еврей, потому что не хочу, чтобы мне подмигивали, вот это мне противно: ну да, ты устроился. У меня была прекрасная мама, и у меня был прекрасный отец. Прекрасная мама наполовину еврейка, и прекрасный отец чистый русский».

Помимо Алексея, у Юрия Павловича Германа был еще один сын, от другого брака – Михаил, ныне известный искусствовед, знаток французской живописи, профессор, главный специалист Русского музея, автор нескольких десятков монографий по искусству. У него свой собственный взгляд на происхождение отца. Вот что он пишет в книге «Сложное прошедшее» о Юрии Германе:

«Согласно известным мне семейным преданиям, его отец, мой прадед, был подкидышем в еврейском местечке, где квартировал полк – стало быть, плод преступной любви пылкого солдата (а то и поручика, кто знает!) и доверчивой девы. Отсюда и данная младенцу фамилия «Герман» – Божий человек, и имя «Николай» в честь еще царствовавшего тогда Николая Павловича, и служба в кантонистах, и, несомненно, еврейские корни во мне».

Вообще-то довольно странная гипотеза о происхождении фамилии. Надо сказать, что Германов и в Лифляндии, и в Петербурге в те времена было немало. Неужто все были потомками подкидышей? Если исходить из того, что Герман – это «Божий человек», тогда следует принять во внимание и древнееврейское значение имени Иван (Йоханан), то есть «Божья милость». Вполне логично было бы называть подкидышей именно этим именем, однако к чему же мы в таком случае придем, ведь на Руси весьма распространены и имя Иван, и фамилия Иванов?

И все же Алексей Герман настаивал именно на этой версии своего происхождения:

«Подкидышем был мой прадед, который попал в семью русского генерала в Варшаве. Генерал, очевидно, был достойный человек. Воспитал его, отдал в кадетский корпус принца Ольденбургского. Но фамилию свою не дал, а записал ребенка Германом».

Это изложение все той же, принятой в семье легенды – как видим, ее горячим сторонником был Алексей Юрьевич. Но вот что пишет его единокровный брат в своих воспоминаниях о деде, Павле Николаевиче:

«Его происхождение окутано некоторыми даже мифами. Нынче о нем где-то сказали или написали, что он был аж «царским офицером», внебрачным генеральским сыном, кадетом, что звучит чуть ли не отзвуком «Белой гвардии». Он действительно в Первую мировую войну вышел в штабс-капитаны, но ни красным, ни белым особенно не служил и потом всю жизнь тихо работал счетоводом».

Что ж, каждый член семьи может иметь собственное мнение по столь щепетильному вопросу. Можно ли это запретить? Наверное, нет, однако хотелось бы докопаться здесь до истины, а там и поглядим, был ли во всем этом какой-то смысл.

Теперь обратимся к воспоминаниям Михаила Юрьевича о бабушке по отцу, Надежде Константиновне Игнатъевой:

«Она из обедневшей барской семьи Игнатъевых, едва уловимо связанной чрезвычайно дальним родством с той действительно аристократической ветвью, откуда произошел известный дипломат и писатель Алексей Алексеевич Игнатъев – автор модной в свое время книги «Пятьдесят лет в строю».

Эта неуловимая связь тоже вызывает подозрения. Если исходить из того, что первыми людьми на Земле стали небезызвестные Адам и Ева, то все мы как-то связаны, вот только связь эту вряд ли можно проследить. И все же то и дело приходится встречать утверждение, будто бабка Алексея Германа, Надежда Константиновна, была дочерью генерала царской армии. Увы, как я ни старался, Константина Игнатъева среди русских генералов не нашел. Зато обнаружил двух подпоручиков и вместе с ними капитана.

Знакомство Павла Николаевича Германа с будущей супругой, Надеждой Константиновной, произошло в ту пору, когда он в звании подпоручика служил младшим офицером 5-й роты 116-го пехотного Малоярославского полка, квартировавшего в губернском центре Лифляндии, в Риге. Как удалось выяснить, в том же полку числился и подпоручик Дмитрий Константинович Игнатъев – он-то, по-видимому, и познакомил свою сестру с Павлом Германом. В начале XIX века отец Дмитрия Константиновича служил там же, в Риге, в 177-м пехотном Изборском полку – в 1900 году поручик Константин Николаевич Игнатъев был делопроизводителем полкового суда, через несколько лет получил звание капитана и, вероятно, в звании штабс-капитана вышел в отставку. Павел Николаевич Герман в январе 1913 года также снял погоны: «согласно собственному желанию зачислен в запас армейской пехоты по Рижскому округу». До самого начала Первой мировой войны служил он столоначальником Казенной палаты в Риге, имея чин коллежского секретаря. Весьма незавидная судьба для сына генерала, если верить семейному преданию. А ведь, рассказывая об отце, Алексей Юрьевич Герман утверждал: «Он же из офицерской семьи, дед его – генерал». Правда, в другом интервью было сказано несколько иначе:

«Мой папа, кстати, тоже дворянского происхождения... просто отец его был военным, дед был подполковником».

Однако и с «подполковником» не все было понятно. Вот что Алексей Герман говорил еще в одном интервью:

«Я не знаю, был дед полковником или генералом. По данным отца – генералом. По данным его двоюродного брата, хорошего французского художника Константина Клюге, полковником. Он был начальником воинской губернии Кеми. Мы пытались туда съездить, что-то раскопать, но там ничего не осталось».

Возможно, дело в том, что отправились не по тому адресу, поскольку никакой воинской губернии Кемь в природе не существовало. На самом деле капитан Константин Николаевич Игнатъев был начальником местной воинской команды Кемского уезда Архангельской губернии. Одновременно он являлся членом правления и делопроизводителем местного комитета, а также уполномоченным городского собрания, в которое входили исключительно мещане. Из этого можно сделать вывод, что мать Алексея Германа никакого отношения к дворянскому роду Игнатъевых не имела.

Но вот опять в одном из интервью Алексея Германа встречаем утверждение:

«Мой прадед в одиннадцать лет крестился, а в старости стал генералом, действительным статским советником и служил в Святейшем синоде».

Увы, о каком прадеде шла речь и как ему удалось одновременно быть генералом и действительным статским советником, это так и осталось тайной за семью печатями. Видимо, все дело в том, что соблазн отыскать в своей родословной какую-нибудь важную персону весьма распространен – кто-то считает своим предком князя, кто-то гордится прадедом, который был избран предводителем уездного дворянства. Ну вот и Алексея Юрьевича это увлечение не миновало.

Если же речь зашла о версиях, то наиболее правдоподобной мне кажется такая. Среди жителей Риги накануне Первой мировой войны числился ветеринарный врач Николай Иоаннович Герман. Скорее всего, отец его был Иоганн или Йоханан, а сын переменял отчество на более приемлемое, как ему казалось. Так вот, Николай Герман вполне мог оказаться отцом Павла Николаевича и прадедом Алексея Юрьевича. Кстати, не отсюда ли любовь Юрия Павловича Германа к врачам, нашедшая воплощение в его книгах? Что же касается происхождения фамилии, то и здесь возможны варианты. Скажем, историк Потто, рассказывая о Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, много восторженных слов посвятил Ивану Ивановичу Герману. Но вот что он пишет:

«Генерал-майор Герман, собственно Герман фон Ферзен, был родом саксонец, но носил русское имя Ивана Ивановича и по своему уму, привычкам и образу жизни был чисто русский человек. Как выдающийся по своим способностям офицер, он еще подпоручиком был назначен в Генеральный штаб, и после первой турецкой войны, давшей ему случай отличиться, на него возложены были важные по тому времени поручения...»

О поручениях здесь рассказывать не буду, только замечу, что генерал Герман стал героем Русско-турецкой войны.

К сожалению, проследить родственную связь героев этой книги с Иваном Ивановичем мне не удалось, а потому обращаю ваше внимание на следующий любопытный факт. В дореволюционном Петербурге жил еще один Павел Николаевич Герман, помимо того, что находился в Риге. Этот Герман имел чин гвардии полковника и служил в Главном артиллерийском управлении. Можно было бы не обращать внимания на это совпадение, но дело в том, что у полковника был сын – Юрий Павлович Герман, собственной персоной! Конечно, хотелось бы провести некую параллель между двумя полными тезками и однофамильцами, однако в 1921 году капитан-артиллерист Юрий Герман трагически погиб. В то время он по заданию штаба Северо-Западной армии белых был заслан с разведывательными целями в Петроград, но выдан предателем и застрелен при попытке ареста. Добавлю, что в императорской армии служили еще и Константин Николаевич, и Юрий Николаевич Германы. Не исключено, что популярность фамилии Герман среди царских офицеров стала косвенной причиной появления семейного предания о деде-генерале.

Прежде чем продолжить рассказ о династии Германов, писателей и кинорежиссеров, упомяну еще об одной ветви их родословной. В том же 116-м Малоярославском пехотном полку, где служили Павел Герман и Дмитрий Игнатъев, до 1910 года числился подпоручик Константин Иванович Клуге, один из шести сыновей выходца из Пруссии купца второй гильдии Иоганна-Христиана Клуге, совладельца фирмы по торговле бессарабскими винами «Шеффер и Фосс». Следуя примеру своего товарища, Константин Клуге женился на другой сестре Дмитрия Игнатъева, Любови Константиновне – видимо, обе сестры-близняшки были довольно привлекательны. В 1917 году капитан Клуге закончил курсы Академии Генштаба, а затем воевал в армии Колчака, дослужившись до полковника. Позже вместе с семьей он перебрался в Харбин. Один из сыновей Клуге, тоже Константин, стал известным художником и жил в Париже,

другой обосновался в Штатах и со временем разбогател. Вот с этим представителем семейства Клуге, Михаилом Константиновичем, связана весьма интересная и поучительная история.

Есть на острове Антигуа, что принадлежит к группе Малых Антильских островов в Карибском море, красивейшее место – Half Moon Bay, что в переводе означает бухта Полумесяца. В 1971 году Михаил Клуге вместе с двумя американскими партнерами основал фирму Half Moon Bay Holdings Limited, которая должна была превратить побережье этого залива в место отдыха для богатой публики из Европы и Америки. Одним из партнеров Клуге стал Пол Меллон, сын владельца Банка Меллона, обладатель многомиллионного состояния, а кроме того – известный коллекционер, филантроп и любитель скаковых лошадей. За два года фирмой НМВ был реконструирован отель, построены девять полей для гольфа, бассейн, теннисные корты, и вскоре в бухту Полумесяца потянулись знатные и весьма богатые гости. Курорт стал флагманом антигуанского туристического бизнеса. Здесь побывали Одри Хепберн, Элтон Джон, Бьерн Ульвеус из группы «АББА», писатель Джон Ле Карре и даже бывший советский шахматист Борис Спасский.

Фирма, а вместе с ней и Михаил Клуге, процветала почти двадцать лет, но постепенно начались проблемы. Сначала ее покинули партнеры, а в сентябре 1995 года на остров Антигуа обрушился тропический ураган «Луис», разрушивший пляжи и нанеший повреждения зданиям отеля. К этому времени Михаил Клуге отошел от дел, а фирмой руководила его жена Галина, позже ей на смену пришла дочь Наталия. Проблема была в том, где взять 12 миллионов долларов на восстановление отеля и выплату компенсации уволенным полутора сотням его работников – как выяснилось, местная фирма, с 1993 года осуществлявшая непосредственное управление отелем, не удосужилась застраховать имущество от подобной катастрофы. Была предпринята неудачная попытка избежать выплат весьма оригинальным способом: бывшая владелица фирмы Галина Клуге предъявила иск своей дочери, согласно которому НМВ должна была выплатить госпоже Клуге 14 миллионов долларов. Чего не сделаешь, чтобы спастись от разорения! Но время шло, владельцы отеля искали спонсоров для его восстановления, а правительство Антигуа и Барбуды из-за этого теряло около трех процентов доходов от туристического бизнеса.

Лакомый кусок в виде бухты Полумесяца привлек внимание техасского миллионера Аллена Стэнфорда, владельца компании, очень напоминавшей финансовую пирамиду, за что он через несколько лет и поплатился 110 годами тюрьмы и конфискацией имущества. Ну а пока правительство Антигуа и Барбуды, получившее выгодные займы от Стэнфорда в обмен на рыцарское звание, стало требовать от наследников Клуге продать отель по дешевке ново-явленному рыцарю – видимо, тут присутствовал и личный интерес кое-кого из членов кабинета министров. Получив отказ, власти решили принудительно выкупить отель за небольшую сумму, что и было сделано – фактическая конфискация частной собственности произошла в 2001 году. Компании НМВ потребовалось несколько лет, чтобы добиться права на получение справедливой компенсации от властей Антигуа и Барбуды. Такое решение принял лондонский тайный совет, Her Majesty Most Honorable Privy Council, который формально является совещательным органом при королеве – к счастью для семейства Клуге, Антигуа и Барбуда входят в состав Британского Содружества. И вот с 2007 года до самого последнего времени один за другим шли судебные процессы, на которых владельцы НМВ требовали выплаты компенсации, которая с учетом процентов доходила почти до 70 миллионов долларов.

17 октября 2013 года дочь Михаила Клуге направила письмо редактору Daily Observer с тем, чтобы еще раз привлечь внимание американской общественности к этому делу:

«8 марта 2013 года Высокий суд вынес решение, обязательное для суда низшей инстанции, согласно которому министр финансов Антигуа и Барбуды должен был отдать распоряжение для оплаты полной суммы, недостающей на счете НМВ Holdings Limited. Впоследствии, в апреле, мае и июле, наши поверенные направляли министру финансов и генеральному про-

курору письма с просьбой сообщить, когда решение суда будет выполнено. Ни одного ответа ни на одно из наших писем мы не получили. 25 июля 2013 года мы обратились в Высокий суд с тем, чтобы он установил дату исполнения своего решения о выплате компенсации НМВ. Слушание по этому вопросу было назначено на 3 октября...»

Далее в письме речь идет о том, что министр финансов Антигуа и Барбуды под присягой сделал заявление, будто требуемые платежные документы уже оформлены и деньги скоро будут перечислены на счет НМВ, что стало поводом для отсрочки рассмотрения заявления истцов в суде до 14 ноября 2013 года. Письмо в редакцию завершается словами:

«Ясно, что постановления суда были нарушены, что министр финансов неоднократно лжесвидетельствовал и что имеет место явное игнорирование решений суда и проявление непочтительности к закону со стороны всех представителей правительства Антигуа и Барбуды, вовлеченных в это дело. Если оплата не будет полностью произведена к 22 октября, мы будем искать другие юридические пути для выполнения решения суда».

К этому следует добавить, что в некоторых газетных публикациях эта затянувшаяся тяжба квалифицировалась как проявление дискриминации со стороны правительства Антигуа и Барбуды по отношению к белой женщине. Вот даже до чего дошло! Увы, очень похоже, что время благоденствия для семейства Клуге миновало безвозвратно, а либеральная экономика и независимый суд далеко не всегда соответствуют тем принципам, в незыблемости которых нас неоднократно заверяли.

Замечу, что столь подробный рассказ о финансовых неурядицах в семействе Клуге приведен здесь только потому, что еще не раз в этой книге придется упомянуть богатого дядюшку из Соединенных Штатов.

Однако оставим наследников Михаила Клуге и обратимся к биографии Юрия Павловича Германа. В качестве его первой жены обычно называют Людмилу Владимировну Рейслер. Михаил Герман так пишет о своем деде:

«Владимир Павлович Рейслер родом из мелкого служилого остзейского дворянства, натурализовавшегося в Петербурге, кажется, при Анне Иоанновне».

Действительно, Рейслеры проживали в Петербурге еще в XVIII веке. Известно, что один из Рейслеров, браковщик Петербургского порта, в 1799 году владел двумя домами на 2-й линии Васильевского острова. В одном из этих домов, на углу Малого проспекта и 2-й линии, жил позже и Владимир Павлович с семьей и престарелыми родителями, Павлом Ивановичем и Юлией Самуиловной.

Продолжу цитату из воспоминаний Михаила Юрьевича:

«Инженер-путеец... он был монархистом, но Николая II, как большинство здравомыслящих профессионалов, не любил... Перед революцией дед стал уже начальником, кажется, Московско-Курской дороги, тайным советником с двумя звездами, ждал «действительного тайного» и «Александра Невского». Вместо этого случилась Февральская революция, и ему предложили место товарища министра путей сообщения во Временном правительстве. Он решительно отказался: «Я присягал государю императору»... Его посадили. А большевики выпустили как жертву Временного правительства».

Тут требуется некоторое уточнение. В годы войны Владимир Павлович служил начальником и Московско-Курской, и Нижегородской, и Муромской дорог, затем получил звание действительного статского советника и был назначен помощником начальника Управления железных дорог, а в марте 1917 года – заместителем начальника этого Управления. В сентябре того же года он стал начальником административного управления железных дорог и членом Совета

министра путей сообщения. Так что его конфронтация с Временным правительством ничем не подтверждается. Лишь после Октябрьского переворота, уже в декабре 1917 года, приказом министра Елизарова он был освобожден от должности «за нежелание нести служебные обязанности и вступить в сношение с должностными лицами, назначаемыми Советом Народных Комиссаров, что лишает возможности наладить правильную работу в министерстве». Однако с приходом в МПС Феликса Дзержинского в 1921 году на работу в министерство вновь были возвращены профессионалы из «бывших», в том числе и Владимир Павлович, назначенный начальником Петроградского округа путей сообщения.

Юрий Павлович с Людмилой Владимировной после женитьбы жили в одной квартире с тестем. Об этом рассказывает их сын, Михаил:

«Летом 1935 года отец получил квартиру в так называемой писательской надстройке – на канале Грибоедова... три крохотные комнаты, кухня без окон. До этого родители и я жили в одной комнате на Васильевском, в доме, что на углу Малого и 2-й линии».

Кстати, в доме на канале Грибоедова к 1935 году получили квартиры многие известные литераторы, скажем, Николай Заболоцкий, Евгений Шварц. Жил там и Михаил Зощенко, он занимал тогда самую большую, пятикомнатную квартиру, в то время как у Юрия Германа были всего «три крохотные комнаты, кухня без окон». А между тем у Зощенко и у Германа было нечто общее. Михаил Михайлович, как и Юрий Павлович, был потомком переселенцев из Европы. Прапрадед Михаила Зощенко перебрался на Украину в конце XVIII века, был он по профессии архитектором, зодчим. Отсюда и вновь обретенная им фамилия – Зодченко, плавно перешедшая со временем в Зощенко.

Но возвратимся к семейству Рейслер. Интересная история связана с отцом Владимира Павловича – Павлом Ивановичем Рейслером. Оказывается, он был близким другом художника Павла Федотова. В конце своей недолгой жизни Федотов страдал психическим заболеванием. Вызвано это было, скорее всего, переутомлением, поскольку художник работал не щадя себя, только бы выбраться из бедности. Так вот, титулярный советник Рейслер помог ему устроиться на лечение в частную психиатрическую лечебницу на Песках, уплатив 160 рублей за два месяца вперед. Позже царь по просьбе друзей и коллег художника выделил 450 рублей для того, чтобы поместить Федотова в больницу Всех Скорбящих на Петергофском шоссе, где Федотов вскоре умер. Кстати, 160 рублей Рейслеру были возвращены. Надо заметить, что сумма эта была по тем временам немалая для мелкого служащего. Откуда же взялись у него такие деньги?

Чтобы разобраться в этом, обратимся к письму Федора Михайловича Достоевского, написанному им своему другу Павлу Исаеву в октябре 1867 года:

«Что ж они меня мучают, не дают мне работать? Например, эта шельма Рейслер – которой я заплатил более 400 р. чистых денег, она должна бы это понимать. Ведь если б я не переписал братнин вексель, то и до сих пор ни копейки бы не получила. Теперь я должен ей 100 р., кажется, которые уж сам взял. Так ведь она готова на меня всю подноготную поднять... Ради бога, Паша, не говори никому мой адрес никогда... Тебе я всегда мой адрес скажу, но никому, никому не говори, не то что кредитору, а просто никому. А чтоб кончить с Рейслер, то если увидишь ее, скажи ей, что ее деньги верны и что я разом ей заплачу, а проценты так и очень скоро».

Здесь речь идет о кредиторше Достоевского А. И. Рейслер, которой писатель должен был по векселям уплатить «капитал и проценты», долги покойного брата. Если предположить, что это сестра Павла Ивановича, тогда можно понять, откуда у него взялись деньги на лечение Федотова. Впрочем, он мог воспользоваться и теми деньгами, что ему достались от отца. Кстати, эта Рейслер являлась прототипом «иностранки и сверх того мелкой процентщицы» Ресслих из романа «Преступление и наказание».

Однако вернемся к биографии Юрия Германа. В 1936 году он расстался с Людмилой Владимировной Рейслер и женился на Татьяне Александровне Риттенберг. Ее отец Александр Владимирович, присяжный поверенный и присяжный стряпчий, накануне Первой мировой войны имел звание надворного советника. Семейство Риттенберг владело в начале прошлого века в Петербурге компанией по продаже сукна, обуви и мануфактуры. Основали компанию Владимир Азриелевич (Израилевич) Риттенберг и его брат Аарон. В предреволюционные годы суконным делом занимался Аркадий Александрович Риттенберг, прочие же братья Татьяны Александровны выбрали иные, менее доходные занятия – один был доктором медицины, другой работал адвокатом, третий стал аптекарем. А вот Сергей Александрович, в семье его почему-то называли Гуля, бывший учитель словесности, в 1920 году решил присоединиться к армии Врангеля, но к тому времени, когда он добрался до Крыма, войска барона уже потерпели поражение. Пришлось эвакуироваться вместе с войсками – так объяснял причины эмиграции своего дяди Алексей Герман. Оказавшись в Финляндии, Гуля занялся литературной критикой, став вдохновителем создания литературно-художественного кружка в Выборге, преподавал на кафедре славистики Стокгольмского университета.

Побывала в эмиграции и Татьяна Риттенберг, однако в начале 20-х годов она вернулась. Вот что рассказывал об этом возвращении Алексей Герман:

«После этого, чтобы устроиться в медицинском институте, мама бешено стала устраиваться еврейкой – евреев тогда брали, а русских нет. Доказать было трудно, и помогла взятка».

Чудны дела твои, Господи! Можно ли было позже, в 30—60-х годах, представить себе, чтобы за подтверждение еврейского происхождения давали взятку? Столь же трудно поверить и в то, что только «евреев тогда брали». Однако вот именно это утверждение Алексея Германа не могу поставить под сомнение – не все же мне его опровергать.

Жена Александра Владимировича Риттенберга, Юлия Гавриловна Тиктина, была дочерью действительного статского советника Гаврилы Андреевича Тиктина, такого же присяжного поверенного и присяжного стряпчего, как и ее будущий муж, но повыше рангом. Так что теперь с уверенностью можно утверждать, что в роду Алексея Германа действительно был важный чиновник, хотя и не генерал. Впрочем, действительных статских советников иногда называли штатскими генералами, хотя большинство из них даже не носило эполет – этот знак отличия полагался лишь чиновникам военных ведомств, например военным медикам или же ветеринарам.

Довольно любопытно происхождение фамилии Тиктин – так на иврите назывался городок Тыкоцин в Польше, значительную часть населения которого составляли евреи. После присоединения Польши к России те из них, что рассчитывали сделать карьеру, избавились от еврейских фамилий и стали называть себя по имени городка, откуда были родом. Так появились Тиктины, Тиктинские и Тиктинеры. Точно так же фамилию Герман могли взять себе выходцы с территории Германии.

Но вернемся к Тиктиным, их было в России довольно много. Скажем, в состав совета присяжных славного города Одессы входили сразу несколько представителей этой фамилии: Исаак Германович, Марк Самуилович, Николай Исаакович и Самуил Германович. Еще один известный мне Тиктин, Александр Григорьевич, был сыном аптекаря, Григория (Гиршома) Осиповича (Иосифовича) Тиктина из города Новозыбкова, что на Украине. Выучившись на инженера-механика, он работал в Петербурге, на заводе, производившим аэропланы. Я решился рассказать о нем, несмотря на то что родственную связь с Гаврилой Андреевичем Тиктиным проследить не удалось – еврейские имена часто заменяли на русские. Скажем, Юлия Самуиловна, бабушка Михаила Германа, превратилась в Юлию Степановну. А причина моего интереса к Александру Тиктину в том, что очень примечательна судьба его сына – Сергей Александрович стал физиком, работал в знаменитом харьковском Физико-техническом институте, где

начинал свою блестящую карьеру Лев Ландау. Увы, что-то у Сергея Александровича на Украине не сложилось. Сменив несколько мест работы, в конце 70-х годов он эмигрировал, работал в Израильском Технионе, но стал знаменит совсем не в этой области. Совместно со своей женой, Дорой Моисеевной Штурман, довольно известной в прошлом диссиденткой, тоже харьковчанкой, он стал издавать книги, посвященные критике политического устройства Советского Союза. Особенно популярной была выпущенная в 1985 году в Лондоне книга «Советский Союз в зеркале политического анекдота».

Какие же выводы можно сделать, изучив эту родословную, составленную на основе тех немногих сведений, которые удалось узнать? Даже при всем при том, что генералов среди предков Юрия Германа не нашлось, надо признать, что женился он удачно, причем как в первый, так и во второй раз. Конечно, это если не считать самого первого опыта супружеской жизни, но его не стоило бы воспринимать всерьез, а потому расскажу о нем чуть позже. Что же касается отца Людмилы Рейслер и деда Татьяны Риттенберг, то их чины вполне укладываются в привычную, даже обязательную схему. И отчего только у писателей такое желание быть поближе к высшей знати? Вот и Михаил Булгаков первую жену подыскал в семействе действительного статского советника, я уж не говорю о его увлечении княгиней.

## Глава 2. Вступление

Покончив с родословной, обратимся к биографии первого из представителей рода Германов, которым посвящена эта книга. Здесь, как и в других главах, я использовал рассказы Алексея Юрьевича Германа о своей жизни и семье, за что благодарен его интервьюерам.

Вот что известно из воспоминаний Юрия Павловича Германа:

«Я родился 4 апреля 1910 года в Риге. Отец в ту пору был поручиком расквартированного там Малоюрославского полка, мать преподавала русский язык в гимназии. В 1914 году отец поехал на фронт, мать вслед за ним отправилась сестрой милосердия, и меня они взяли с собой. Всю войну пространствовал я мальчишкой – то с батареей, то с госпиталем матери».

После войны скитания семьи продолжались – Павел Николаевич работал фининспектором в Обояни, Льгове, Дмитриеве, Курске, и вместе с ним семья кочевала по просторам Курской губернии. Возможно, эта кочевая жизнь, постоянная смена впечатлений, встречи с новыми людьми и пробудили в его сыне желание изложить свои чувства и мысли на бумаге.

Писать Юрий Герман начал еще в школьные годы – первый его рассказ «Варька» был напечатан в газете «Курская правда», – потом увлекся театром, затем решил, что ему вполне по силам написать роман. Речь в первом произведении будущего писателя шла о том, что Герман вроде бы хорошо знал, – «о маленьком городке в период нэпа, о комсомольцах той поры, о горячих и чистых сердцах».

«На моем первом произведении отразились все мои книжные увлечения тех лет: в детстве я зачитывался Конан Дойлем и Кипплингом, писателями действия, писателями мускулистой прозы, сюжетной, азартной... В результате получилась книжка взъерошенная и до смешного наивная».

Роман «Рафаэль из парикмахерской» был написан за три месяца и отослан в издательство, в Москву. Позже роман опубликовали, однако никаких восторгов по этому поводу уже не было – Юрий Павлович впоследствии признавал, что явно поспешил. Тема для того времени была актуальная – борьба комсомольцев с погрязшими в нэпе обывателями, – но это еще трудно было назвать литературой.

А вот что рассказывал о занятиях отца в те годы Алексей Герман:

«Папа рано стал самостоятельным, в 14 лет уже зарабатывал суфлером в театре, печатался в «Курской правде». А потом поехал поступать в Ленинград, в техникум сценических искусств. Но долго там не пробыл, пошел на завод, занимался в самодеятельном драмкружке. И писал рассказы и романы».

Кстати, именно в драмкружке Юрий Павлович познакомился с будущей женой, Людмилой Рейслер. Однако давний друг Германа, Лев Левин, в книге воспоминаний «Дни нашей жизни» пишет, что это была не первая жена:

«Сын его квартирной хозяйки, студент того самого техникума, где якобы учился и Герман, познакомил его со своей сокурсницей. Юрий влюбился с первого взгляда, а через несколько дней они поженились. Пришлось снять другую комнату, так как Герман жил в проходной. Денег катастрофически не хватало. Кто-то сказал, что в соседнем доме есть драматический кружок. Юрий взялся им руководить. До этого этим кружком руководила Людмила Владимировна Рейслер. Теперь она работала в другом месте, но связи с кружком не теряла, приходила участвовать в спектаклях. В январе 1930 года, познакомившись с Людмилой Владимировной, Герман понял, что любовь с первого взгляда, которую он питал к своей молодой

жене, уступает место другому, более сильному чувству. В марте 1930 года они поженились. Таким образом, к двадцати годам Юрий Герман оказался уже дважды женатым».

Замечу, что имени первой жены будущего писателя история не сохранила, да это и не важно, поскольку брак был недолгим и молодые супруги так и не успели обзавестись детьми. После женитьбы на Людмиле Юрий Герман со съемной квартиры переехал в квартиру Рейслеров на Малом проспекте. Само собой, непрестижную работу на заводе пришлось бросить, и по совету редактора журнала «Юный пролетарий», где напечатаны были рассказы Германа «Шкура» и «Сиваш», он стал работать в многотиражной газете при бумажной фабрике.

Во время работы в фабричной газете юный журналист набирался новых впечатлений. Так уж случилось, что судьба столкнула его с неким инженером. Словоохотливый немец много рассказывал Герману о своей жизни, о работе, о семье, оставшейся в Германии, и вот юный журналист решил написать еще один роман, на этот раз об иностранном специалисте, как тогда говорили – об инспеце. Роман «Вступление» был написан очень быстро и сразу же отдан Германом в печать. Видимо, сказалось нетерпение – уж очень хотелось стать известным писателем, да и хороший заработок не помешал бы. Роман напечатали, но реакция прессы была ужасной – роман назвали «вылазкой классового врага». Это и понятно, поскольку главный герой не принадлежал ни к пролетариям, ни к беднейшим слоям русского крестьянства. Вот состоял бы в партии большевиков, тогда другое дело, а тут вроде бы ни к селу ни к городу. Припомним, что аналогичные претензии предъявлялись автору «Собачьего сердца» и «Белой гвардии».

К счастью, Германа надоумили обратиться к Горькому, показать ему свое последнее творение. Случилось так, что молодой журналист чем-то приглянулся пролетарскому писателю. Однако Алексей Максимович высказал немало претензий к этому роману.

«Бранил его Горький немилосердно – за языковые неточности, за стремление к афористичности, за общие места и за «гладкие», «казалось бы, без сучка и задоринки, обтекаемые фразы», за «одел» там, где надо писать «надел», и за «надел» там, где надо писать «одел», и за очень, очень, очень многое другое».

В итоге Горький предложил Герману заново переписать роман и вместе с тем нашел возможность похвалить начинающего литератора. Уже гораздо позже, в начале 60-х, Юрий Павлович с благодарностью вспоминал об этих встречах:

«Автор этих строк – тогда еще совсем молодой литератор – имел честь и счастье бывать у А. М. Горького. Однажды я проговорился, что в кармане у меня – начало одной моей работы, шестнадцать страниц.

– Дайте! – велел Горький.

И здесь же прочитал. Читал он внимательно, вздыхал, сердился. Я видел – не нравилось. Потом минут двадцать Горький говорил мне о том, что плохо в этой работе. И вернул рукопись. Это возвращение рукописи было уроком на всю жизнь, это возвращение сыграло гораздо большую роль, нежели первое напечатание, оно было школой, целым университетом».

В то время пролетарский писатель в основном занимался тем, что пытался улучшить быт литераторов, помогал им, чем только мог, так что визит Германа к нему оказался очень кстати – Юрий Павлович, что называется, попал в струю. Думаю, не надо пояснять, что протекция, заступничество или рекомендация влиятельных людей играют огромную, если не решающую роль и в наше время. Писателей сейчас хоть пруд пруди, однако далеко не каждому удастся покрасоваться на телеэкране: вот он я, прошу меня любить и жаловать! Правда, «экранное время» можно и купить, но мало кому такая роскошь по карману – приходится рассчитывать лишь на протекцию политических соратников, единомышленников и приятелей.

У Юрия Германа не было ни денег, ни влиятельных знакомых. Да и основным средством информации в те времена были не телевидение и Интернет, а обыкновенная газета. Но если похвала начинающему автору напечатана в центральной прессе, да еще и со ссылкой на мнение знаменитого писателя – с такой рекламой не сравнится даже нынешнее телевидение. Мало того что реклама, это еще и указание для тех, кто только для того и поставлен на свое место, – чтобы слушать и читать распоряжения, ну и конечно, исполнять.

Вот как рассказывал об успехе своего отца Михаил Герман:

«После похвалы Горького отец получил все мыслимые и немыслимые блага, пайки и пропуска – его удачные и не очень вещи издавались и переиздавались и массовыми тиражами, и в «подарочных» вариантах в роскошных переплетах и с иллюстрациями, шли фильмы по его сценариям».

Некоторую долю иронии в словах старшего сына вполне можно оправдать – недолгий период, когда его мать могла пользоваться упомянутыми благами и пайками, закончился, когда ему исполнилось всего три года. Куда логичнее и естественнее восторги младшего сына по поводу успехов своего отца:

«С легкой руки Горького он в одночасье превратился в одного из самых известных молодых писателей».

Так в общем-то бывает. Даже достижения своего отца нередко мы оцениваем, исходя из той пользы, которые они принесли семье. Духовное с материальным тут связано прочно, крепко-накрепко, не разорвать никак. Да можно ли хвалить писателя, по сути отказавшегося от своего ребенка? Но как тогда оценивать других, с кем оказался не связан родственными узами – неужто тоже исходя из той пользы, которую они нам принесли? Конечно, в этом случае материальная выгода как бы ни при чем, однако кто знает – возможно, книги этого писателя или фильмы кинорежиссера что-то изменят в этом мире, причем именно так, что можно будет подсчитать и кое-какую прибыль. Почему бы нет, и так случается.

В сущности, восшествие Юрия Германа на пьедестал началось после речи Горького весной 1932 года. На встрече в Московском доме ученых с турецкими писателями он заявил:

«Все чаще и чаще мы имеем явления исключительного характера. Вот вам пример: девятнадцатилетний мальчик написал роман, героем которого взял инженера-химика, немца. Начало романа происходит в Шанхае, затем он перебрасывает своего героя в среду ударников Советского Союза, в атмосферу энтузиазма. И, несмотря на многие недостатки, получилась прекрасная книга. Если автор в дальнейшем не свихнет шею, из него может выработаться крупный писатель. Я говорю о Юрии Германе».

Понятно, что речь пролетарского писателя была опубликована в газете «Правда», а потому все чиновники от литературы при обращении к ним Германа если не брали услужливо под козырек, то уж, во всяком случае, не препятствовали публикации его произведений. Могу только еще раз повторить, что именно так в литературе принято – если не поможет авторитетный родственник, то следует заручиться поддержкой влиятельного благодетеля со стороны. А если просто с улицы в редакцию придешь и даже если напечатают, никто об этом толком не узнает – да мало ли таких! Впрочем, возможны исключения, как без этого?

Но прежде, чем Герман ощутил преимущества своего нового положения, нарком просвещения Бубнов предложил ему написать пьесу для театра Мейерхольда, взяв за основу роман «Вступление». Юрий Герман так описывает свое сотрудничество с Мейерхольдом:

«Мою пьесу Мейерхольд выдумал сам. Мне не стыдно в этом сознаться. И ему я не раз говорил о том, что пьеса эта, в сущности, его. Он посмеивался, а однажды спросил не без раздражения: «Ты что хочешь? Чтобы на афише было написано: «Мейерхольд и Герман»? Или:

«Герман и Мейерхольд»? Ты меня, старика, материально поддержать хочешь?»... Спектакль «Вступление» состоялся. Мою пьесу очень ругали, Мейерхольда – справедливо – хвалили. Мне было горько, но не слишком...»

Впрочем, хвалили этот спектакль только в Москве, а в Ленинграде отнеслись к нему более чем сдержанно. Недоброжелатели назвали эту постановку «черновиком спектакля».

В 1934 году вышла в свет повесть Германа «Бедный Генрих». В ней рассказана история сына немецкого миллионера, попытки его порвать с буржуазным классом. Однако главную свою задачу Герман видел в том, чтобы изобличить фашизм, который был показан через восприятие его главным героем повести. Увы, до настоящей литературы было еще далеко. Горький вновь раскритиковал написанное, посоветовав молодому писателю черпать темы для своих произведений в той жизни, которая его окружает, которая ему хорошо знакома, а не выуживать факты из газет.

В середине 30-х годов Юрий Герман написал роман «Наши знакомые». Это роман о самых обычных людях, с которыми он встречался каждый день на улице, в магазине, на стройке или в ресторане, если приходилось там бывать. Действие романа начинается в разгар нэпа, в январе 1925 года. В нем рассказана судьба девушки, оставшейся без родителей. Жизнь поначалу сталкивает ее с такими людьми, которые могут только навредить, утянуть на дно. Однако на строительстве огромного жилкомбината она находит новых знакомых, которые помогают ей выбрать свой путь в жизни.

Лев Славин вспоминал о том, как Илья Ильф отнесся к этому произведению:

«В ту пору, когда Ильф был уже очень известным писателем, он прочел только что вышедшую книгу молодого тогда писателя Юрия Германа «Наши знакомые». Ильф лично не знал его. Но, услышав, что Герман приехал на несколько дней из Ленинграда, Ильф разузнал, в какой гостинице он остановился, и пошел к нему специально, чтобы сказать этому незнакомому писателю, как ему понравился роман и почему он понравился ему».

Книга, вышедшая первым изданием в 1936 году, стала, как теперь говорят, бестселлером. Видимо, это было то, что требовалось тогда читателю, – рассказ о них самих, об их надеждах на счастливую жизнь, о том, что даже в очень трудных обстоятельствах найдутся люди, которые помогут. Уточню, что речь тут идет не о влиятельном покровителе, не о вмешательстве в судьбу главной героини высокого начальства, отдавшего нужное распоряжение. Совсем не так – такие же, как она, простые люди приняли в свой коллектив, помогли встать на ноги, дали возможность почувствовать, что миром правят не злость и алчность, а доброта.

Здесь ненадолго я прерву рассказ о творческих достижениях писателя, чтобы разобраться в событиях, связанных с его личной жизнью. В 1936 году, как уже упоминалось, Юрий Павлович развелся со второй своей женой, чтобы сочетаться браком с Татьяной Риттенберг. Но вот оказывается, что непременным условием счастья молодых супругов стал еще один развод. А дело в том, что к моменту своего знакомства с писателем Татьяна Александровна уже была замужем и, более того, имела пятилетнюю дочь по имени Марина. Супругом ее был Николай Аронович Коварский – известный литературовед, позже он писал критические статьи о театре и кино. В послевоенные годы Коварский написал сценарии к таким популярным фильмам, как «Мать», «Мальва», «Сорока-воровка», «Капитанская дочка» и «Выстрел» – все это были экранизации литературных произведений русских классиков. Коль скоро Николай Аронович оказался вовлечен в круг лиц, так или иначе связанных с одним из героев этой книги, позволю себе рассказать о нем подробнее, тем более что его родная дочь стала приемной дочерью Юрия Павловича Германа.

После развода с Татьяной Риттенберг Николай Аронович остался один, но это продолжалось не очень долго. Так уж случилось, что в 1940 году был арестован известный карикатурист, сотрудничавший и с «Правдой», и с «Крокодилом», сделавший замечательные рисунки к

книгам Ильфа и Петрова, Корнея Чуковского, Агнии Барто, Самуила Маршака и даже к «Дяде Степе» Сергея Михалкова. Это был сын донского казака Константин Ротов. Поводом для ареста стала якобы «антисоветская» карикатура, которую художник показывал своим коллегам, – об этом сообщил следователю ранее арестованный коллега Ротова, который таким образом хотел заслужить снисхождение властей. Вот как дочь Константина Павловича вспоминала о том жутком времени:

«От нас все отвернулись, домработница ушла, телефон замолчал. Мы остались одни – я, еще ребенок, и молодая красивая мама без специальности. Но был один человек, роль которого в нашей судьбе трудно преуменьшить. Это театральный и кинокритик Николай Александрович Коварский. Он пришел к моей маме и предложил ей сменить фамилию, по сути, выйти за него замуж и удочерить меня – в маму он был влюблен давно. Только это могло спасти маму от ареста, а меня от детского дома».

Замечу, что тут Ирине Ротовой то ли изменила память, то ли она именно так называла отчима – Николай Александрович. На самом деле Коварский обычно представлялся как Николай Аркадьевич, это был его литературный псевдоним.

Еще один добрый поступок Николай Коварский совершил, когда помог мужу Ирины, в будущем знаменитому актеру Алексею Баталову. Кстати, тот также имел прямое отношение к Юрию Герману – в послевоенные годы Баталов снялся в двух фильмах по сценариям этого писателя. А помощь Коварского состояла в том, что Николай Аронович представил недавнего выпускника школы-студии МХАТ режиссеру Иосифу Хейфицу, который собирался снимать на «Ленфильме» фильм «Большая семья». С этого фильма и началось восхождение Алексея Баталова к вершинам популярности – впереди были роли в кинокартинах «Дело Румянцева», «Дорогой мой человек», «Летят журавли», «Девять дней одного года», «Дама с собачкой», «Москва слезам не верит». Кстати, если уж зашла речь о Хейфице, стоит привести слова благодарности в его адрес, сказанные Баталовым в одном из интервью:

«Во МХАТе даже ведущие артисты годами сидели без ролей – для себя я такого не хотел. Поэтому я был абсолютно счастлив, когда позвали в кино... Я оставил Москву и уехал в Ленинград к Иосифу Хейфицу. После я снимался у других режиссеров, но Хейфиц сделал из меня актера, как папа Карло – Буратино. Взял одно полено из груды и вырезал из него Баталова – без Хейфица меня в моем нынешнем качестве бы не было».

Коль скоро речь зашла об этом кинорежиссере, приведу также мнение писателя Бориса Васильева:

«Иосиф Ефимович Хейфиц один из тех, кто дает людям то, без чего им уже никак не обойтись: надежду, веру и любовь».

Завершая рассказ о Николае Коварском, упомяну, что после переезда в Москву он вошел в круг близких друзей Александра Галича, даже позволял себе называть поэта за впечатляющую внешность «еврейским Дорианом Греем». Однако рассказ о Галиче выходит за пределы этой книги.

### Глава 3. Лапшин, Жмакин и другие

Вслед за романом «Наши знакомые» Юрий Герман написал повести «Лапшин» и «Алексей Жмакин». Если героем первой повести является сотрудник уголовного розыска Лапшин, то во второй главным персонажем становится вор-рецидивист, бежавший из мест заключения.

Драматург Александр Штейн отмечал, что эти две повести «написаны рукой истинного прозаика, мастера», приводя в своих воспоминаниях особо восхитивший его отрывок из повести о Жмакине:

«Партия была небольшая – восемь человек. Шли молча и быстро, чтобы не замерзнуть. Дыхание из пара на глазах превращалось в изморозь. Мороз был с пылью – пыльный мороз – любой бродяга тут начинает охать. И деревень не попадалось – только кочки, покрытые голубым снегом, да мелкие сосенки до пояса, не выше. Захотелось есть. Жмакин вытащил из кармана хлеб, но хлеб замерз – сделался каменным. С тоской и злобой Жмакин закинул хлеб подальше в снег. Под ногами все скрипело. День кончался. Ничего не было слышно, кроме мертвого скрипа, – ни собачьего бреха, ни голосов. К вечеру краски сделались фиолетовыми, – пыль сомкнулась в сплошной туман. Лица у всех были замотаны до глаз – у кого портянкой, у кого платком».

Честно говоря, благожелательное отношение Штейна к этому произведению, если судить по приведенному отрывку, мне непонятно. К примеру, я бы не сравнил этот отрывок с платоновскими рассказами – там действительно, что называется, высший класс, а здесь писатель находится всего лишь в начале долгого пути. На мой взгляд, мастерство Германа проявилось гораздо позже, когда он написал свою знаменитую трилогию.

Надо бы пояснить, что две эти повести Юрий Герман написал под влиянием знакомства с работником ленинградского уголовного розыска, впоследствии комиссаром, Иваном Бодуновым, которому позже Герман посвятил повесть-быль «Наш друг – Иван Бодунов». Герой этой были, прочитав про себя, сказал автору: «А ты мою личность не преувеличил? По памяти, был я нормальный сыщик и даже ошибался не раз». Но что поделаешь, в художественном творчестве не обойтись без преувеличений, иначе полотно живописца вполне бы можно было заменить красивой фотографией, а вместо повести предложить читателю биографию героя с приложением перечня раскрытых преступлений и копий судебных приговоров.

А вот как Александр Штейн описывал характер Бодунова:

«Он тот самый обыкновенный человек, не «винтик», а самостоятельно мыслящая личность, сохранившая чистоту помыслов, веру в людей, в свое дело, которые и есть противоядие от всех возможных нравственных падений на крутых исторических поворотах».

Немудрено, что история этого человека была положена в основу двух повестей. Прототип главного героя диктовал автору и тот стиль, в котором он тогда писал. «Манера сжатая, выразительная, мужественная» – так охарактеризовал этот стиль восхищенный Александр Штейн. С этим, пожалуй, можно согласиться. Тем более что, в сущности, это все те же, любимые многими детективные истории, хотя бы и вышедшие за привычные пределы благодаря растущему мастерству писателя.

Еще несколько добрых слов о повести «Алексей Жмакин»:

«Жмакин бежит из ссылки, всю свою дьявольскую изобретательность и недюжинную энергию тратя на то, чтобы, вернувшись в Ленинград, скрыться от Лапшина, уйти от встречи с ним – любой ценой. А Лапшин сосредоточен на том, чтобы найти несправедливо осужденного Жмакина – любой ценой. Это органическое переплетение философского и гуманистического смысла повести с незаурядным сюжетом и составляет главную прелесть произведения».

В словах Штейна чувствуется не только интерес к творчеству писателя, но и желание непременно написать что-то хорошее о своем друге. И все же подлинный взлет мастерства Юрия Германа был впереди.

Помимо романа и двух повестей, Герман написал в те годы «Повесть о Николае Евгеньевиче», сценарии для фильмов «Семеро смелых» и «Доктор Калюжный». Первый из этих фильмов имел оглушительный успех. Тема освоения Арктики была очень актуальна, к тому же игра замечательных актеров впечатляла, особенно неподражаем был Петр Алейников. Предыстория создания фильма была такова. В 1932 году в «Комсомольской правде» был опубликован призыв комсомольца Константина Званцева организовать молодежную полярную зимовку. Позже Званцев написал книгу о покорителях Севера. Вот эту книгу Юрий Герман и Сергей Герасимов использовали как основу для сценария.

А с фильмом «Доктор Калюжный» связан прискорбный факт в биографии писателя. Дело в том, что руководство Центрального театра транспорта уговорило Германа переработать текст сценария, сделав главным его героем железнодорожника, а не врача. Герман согласился. Александр Штейн пытался оправдать поступок своего друга:

«Малодушие прозаика, очень хотевшего, чтобы пьесу поставили в столице, особенно после того, как критика дружно бранила его за неудачную драму «Вступление», плюс неукротимая, железная настойчивость руководства Театра транспорта, жаждавшего тематической пьесы, да еще некоторое, назовем – легкомыслие, свойственное прозаику Герману, когда дело заходило о театре, – все это «сработало».

Вполне логичным результатом постановки стал сокрушительный разгром пьесы, учиненный в «Литературной газете» еще одним другом Германа – писателем Евгением Петровым, соавтором Ильи Ильфа.

Что тут поделаешь? Как говорится, благими помыслами выслана дорога в ад. Мог бы, конечно, Петров и промолчать, однако, если не он, тогда другие скажут. К тому же настоящая дружба предполагает искренность и откровенность.

Даже через много лет Юрий Павлович не решился рассказать, как и почему пошел на переработку пьесы, но зато в деталях описал свой разговор с Евгением Петровым:

«Е. П. Петров хорошо ко мне относился. Более того, мы были дружны. И вот однажды я согрешил... Описывать грехопадение не очень интересно. Коротко говоря, я написал вариант своей пьесы специально для театра, который желал одеть героя в форму своего ведомства. Петров позвонил мне из Москвы:

– Сейчас же запретите спектакль!

– Но...

– Один раз он был у вас учителем, сейчас он у вас машинист, а будет кем – хлебопеком?

Послушайте – запретите!

– Евгений Петрович, дело в том, что театр...

– Я не Евгений Петрович сейчас. Я редактор «Литературной газеты». И если это безобразие не прекратится, мы «по вас» ударим!

– Вы? Ударите?

– Мы! Ударим! И больно!

«Безобразия» прекратить я не смог, и «Литературная газета» ударила – да как! И было очень стыдно».

Как нам известно, Юрий Герман не внял увещаниям друзей, за что и поплатился. Впрочем, ничего ужасного не произошло, но эта история стала горьким уроком для писателя. А

в основном жизнь складывалась вполне благополучно, об этом узнаем из рассказов Алексея Германа:

«Некоторое время папа был членом Ленсовета. У него была личная машина, которую он купил – машины были в Ленинграде только у Алексея Толстого и у папы. Когда друга моего папы Левина исключили из Союза писателей, а его квартиру опечатали, папа пошел к Толстому».

Увы, Толстой так и не помог, побоялся разозлить энкавэдэшников: «Это такие страшные бандиты!» Чего доброго, могли бы ополчиться на писателя, за несколько лет до этого вернувшегося в страну из эмиграции. Толстой – это вам не Горький, да и время изменилось, так что к мнению мастеров пера не очень-то прислушивались.

К тому же периоду творчества Юрия Германа относится и выход в свет рассказов о Железном Феликсе. Привлечь внимание молодого литератора к этой теме пытался еще Горький. И вот наконец-то Герман решился написать.

Сборник «Рассказы о Дзержинском» Юрия Германа состоит из двух частей. Первая часть, «Накануне», посвящена революционной борьбе молодого Дзержинского во времена самодержавия. Вторая, «Вихри враждебные», рассказывает о работе Железного Феликса в годы становления и укрепления советской власти. В сборник вошли рассказы «Восстание в тюрьме», «Песня», «В переулке», «Картины», «Мальчики», «В подвале», «Народное образование». Об их достоинствах я не берусь судить – возможно, в детстве и читал, а вот теперь совсем не хочется. Однако верю, что своему таланту Юрий Павлович и здесь не изменил.

Увы, не все достойно оценили этот вклад Юрия Германа в литературу. Поэтесса Ольга Берггольц была возмущена и записала в своем «Запретном дневнике» в декабре 1940 года:

«Юра Г. написал беспринципную, омерзительную во всех отношениях книжку о Дзержинском. Он спекулянт, он делегата, нельзя так писать, и литературно это бесконечно плохо».

Этим жестоким словам есть объяснение – Ольге Федоровне пришлось немало претерпеть от органов ОГПУ – НКВД, созданных благодаря усилиям Феликса Дзержинского. Понятно, что мнение об исполнителях автоматически распространялось на начальство. И хотя Дзержинского ко времени выпавших на долю поэтессы испытаний не было в живых, читать все это было крайне неприятно, я вполне могу ее понять.

Гонения на поэтессу начались в мае 1937 года, той самой «весною, в час небывало жаркого заката», события которой талантливо и образно описал в романе «Мастер и Маргарита» Михаил Булгаков, в главе «Великий бал у сатаны». В мае арестовали участников «дела Тухачевского», а после этого началась «зачистка территории». Бдительность чекистов стала, что называется, зашкаливать, а если учесть, что нарком внутренних дел Ежов отчаянно пытался доказать, что не напрасно занимает свой высокий пост, то масштабы репрессий перешли все мыслимые границы. Тут следует учесть и страх Сталина потерять власть, а средством борьбы он избрал жестокое подавление всякого инакомыслия. Поводом для ареста могли стать неосторожное слово и «порочащие связи», в том числе наличие неблагонадежных родственников и знакомство в прошлом с чем-то запятнавшими себя людьми. Понятно, что среди чекистов нашлось немало таких, что были не прочь выслужиться перед начальством, другие же просто не решались возражать, помня о судьбе тех, кто протестовал против чистки 1930 года среди высшего командного состава Красной армии. Однако времена изменились, и если возникала необходимость арестовать кого-то из людей достаточно известных, например писателей, то действиям чекистов предшествовали заявления партийных органов.

Вот выдержка из протокола заседания партийного комитета завода «Электросила» имени С. М. Кирова:

«Авербах и группа вели работу по созданию новой подпольной группы... Берггольц тоже была и вращалась в этой группе. Она всей правды не сказала, она вела себя неискренне. Ольга Берггольц неглупый человек, политически развитый и культурно. Она хотела вращаться в кругу власти имущих. Дружила с Авербахом – генеральным секретарем РАППа. У ней была с ним тесная связь, вела с ним переписку. Была связана с Макарьевым – правой рукой Авербаха, ныне расстрелянным. К Горькому не всякий мог попасть, но она через связь с Авербахом была у него. Опередила в этом других писателей. Она жила с Корниловым, дружила с Германом и т. д. Это стыдно признаться, что у нас был такой коммунист».

Понятно, что в приведенном документе речь идет о члене партии. Если же дело касалось беспартийных, предпочитали использовать в тех же целях публичные обсуждения на производстве. Это не только считалось полезным для воспитания масс, но и могло служить оправданием репрессий, которые были якобы выражением мнения трудящихся. Достаточно вспомнить заявление рабочих Хамовнического района Москвы по поводу спектакля Московского Художественного театра:

«Расширенный пленум рабкоров Хамовнического района (больше 600 человек) вынес резолюцию, в которой заявляет, что пленум считает общим долгом рабкора присоединить свой резкий голос к общему возмущению постановкой на сцене советского театра пьесы Булгакова «Дни Турбиных». В этой резолюции пленум, целиком соглашаясь и поддерживая точку зрения газет «Правда», «Рабочая Москва» и «Комсомольская правда», разоблачивших истинную природу пьесы, расценивает эту постановку как идейную вылазку обывателя и мещанина, как общественную демонстрацию в защиту своих обывательских прав...»

Булгакову повезло – пьеса в постановке Художественного театра понравилась Сталину, он был на спектакле много раз. Поэтому вождь и не давал в обиду талантливого писателя до поры до времени. А вот к стихам Сталин был, похоже, равнодушен.

Волна репрессий 1938–1939 годов не затронула Юрия Германа, видимо, потому, что было не к чему придаться: романов, идеологически не выдержанных, он вроде бы не писал, порочащих связей не имел.

Впрочем, при желании такую связь можно было доказать – в Харбине жил уже упоминавшийся Константин Клуге, дядя Юрия Германа и бывший полковник Белой армии. Однако в те годы никто из Германов своей родней семью белогвардейца Клуге не считал, а потому и не упоминал ее в анкетах.

Итак, возвратимся к поэтессе. Мнение соратников по партии было учтено, и в конце 1938 года Берггольц была арестована по обвинению «в связи с врагами народа» и как участник контрреволюционного заговора. Вероятно, одна из причин ареста была в том, что стихи Ольги Берггольц и стихи ее первого мужа, Бориса Корнилова, высоко ценил и печатал в газете «Известия» ее тогдашний главный редактор Николай Бухарин. После завершения судебного процесса над «любимцем партии» репрессии распространили на людей, которым он симпатизировал, – Корнилов был расстрелян, а вот Берггольц повезло, если только можно назвать везением несколько месяцев тюремного кошмара. И все-таки судьба над поэтессой сжалилась – через полгода она была освобождена и полностью реабилитирована. Да, все бы ничего, если бы из-за побоев не потеряла своего еще не родившегося ребенка. Такими словами она описывала свое возвращение к жизни:

«Зачем все-таки подвергали меня все той же муке?! Зачем были те дикие, полубредовые желто-красные ночи (желтый свет лампочек, красные матрасы, стук в отопительных трубах, голуби)? И это безмерное, безграничное, дикое человеческое страдание, в котором тонуло мое страдание, расширяясь до безумия, до раздавленности? Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули ее обратно и говорят: «Живи».

Но вот что удивительно: находясь в заключении, Ольга Берггольц ни в чем не призналась и никого не оговорила, как ни настаивали на этом следователи. И еще, что вовсе поражает, – сохранила прежнюю веру в идеалы коммунизма. Не каждый мужчина в таких условиях смог бы выдержать. Вот Тухачевский уже на второй день допросов признал существование заговора, а Осип Манделштам, не выдержав пыток, «выдал» всех, подписал все, что ему подсунули. Не знаю, в чем тут дело. Возможно, предательство, малодушие являются следствием отсутствия идеалов, истинной веры. Судя по этому и некоторым другим подобным случаям, можно сделать вывод, что хотя физические силы человека имеют свой предел, однако стойкость духа, вероятно, беспредельна. Это лишь следствие того очевидного факта, что слишком мало знаем мы о том, как устроен и что представляет собой даже вполне обыкновенный человек, не говоря уже о таких бойцах, как знаменитая ленинградская поэтесса.

Еще раз повторю, что причины ненависти бывшей заключенной к карательным органам советской власти понятны. Однако неприятие рассказов о Дзержинском не повлияло на отношение Ольги Берггольц к Юрию Герману – они так и остались близкими друзьями. Подтверждение этому находим в воспоминаниях Михаила Юрьевича Германа:

«Отца я видел в студенческие годы раза два. Последний раз встретились поздней осенью 1952 года, в кафе «Норд» («Север»), в котором я не бывал с довоенных лет. Отец казался мне старым, грузным, очень усталым. А ведь в то время ему было только сорок два, и дела его шли в гору. Он был с приятелями (среди них я запомнил Ольгу Федоровну Берггольц)... Разговор был натужный, светский».

Такому впечатлению сына при взгляде на отца не стоит удивляться, поскольку на то были объективные причины – позади была не только страшная война, но и выпавшие на долю Юрия Германа тяжкие испытания 1946 и 1949 годов, о чем расскажу чуть ниже.

Возвращаясь к взаимоотношениям Ольги Берггольц с Юрием Германом, добавлю, что Ольга даже посвятила Юрию свои стихи:

Когда я в мертвом городе искала ту улицу, где были мы с тобой,  
когда нашла – и все же не узнала...

И далее:

От шпал струился зной – стеклянный, зримый, —  
дышало море близкое, а друг,  
уже чужой, но все еще любимый,  
не выпускал моих холодных рук.  
Я знала: все. Уже ни слов, ни споров,  
ни милых встреч... И все же будет год:  
один из нас приедет в этот город и все, что было, вновь  
переживет...

Ну а Юрий Павлович тех жестоких слов, которые Берггольц записала в дневнике, скорее всего, так и не услышал. Вот и Алексей Герман утверждал, что «Ольга Берггольц хвалила папу за эти рассказы». Видимо, дело в том, что поэтесса пожалела друга – вслух горьких слов не сказала, а в дневнике записала все, что думала. Не исключено, что понимала: что по силам ей, выдержать не всякому дано.

А в 1939 году Юрий Герман был награжден орденом Трудового Красного Знамени. О том счастливом для отца времени рассказывал его младший сын, Алексей:

«К тридцати годам у него уже был орден Трудового Красного Знамени, депутатство в ленинградском Совете, и еще он состоял в руководстве городской писательской организации. Была семья, квартира, дача, прекрасные друзья – писатели, кинематографисты».

Во время войны Юрий Герман был приписан к политуправлению Северного флота в качестве военного корреспондента ТАСС и Совинформбюро. Бывал в Мурманске, Канда-лакше, Полярном, ходил в походы на боевых кораблях. Жена и сын, выбравшись из окруженного фашистами Ленинграда, жили тогда в Архангельске. Алексей Герман позже вспоминал:

«Мы жили, как жила элита, в «Интуристе». У нас был маленький угловой номер, но был завтрак – утром яичница и чай. В принципе, там жили иностранцы... Папа не жил в Архангельске, он приезжал... Одно время в номере была горячая вода и душ».

Можно понять отношение простых жителей к этим заезжим ленинградцам, которых кормят, которых устроили в одном отеле с иностранцами. А в это время в Ленинграде творилось что-то жуткое. Вот что рассказывал Юрию Герману заместитель начальника уголовного розыска Ленинграда после возвращения семьи домой:

«За трупоедство мы расстреливали только вначале, а потом не трогали: весь город не расстреляешь. Трупы ело огромное количество людей. Подъезжаешь к дороге жизни, а там...»

Дальше рассказ Алексея Германа, записанный Антоном Долиным, цитировать не буду. Все это настолько страшно, что Юрий Герман в своих книгах ни о чем подобном не писал. Есть вещи, о которых мыслящий человек может догадаться, однако вряд ли стоит о них кричать на каждом углу, упоминать в романах, показывать в художественных фильмах. Для этого существуют книги памяти, документальные фильмы, но и там такие факты надо излагать очень осторожно, чтобы пожалеть психику читателей и зрителей.

А вот еще малоприятное воспоминание Алексея Германа о том времени:

«Когда ты шел по Архангельску, проходящие мимо люди говорили: «А вас, жидов, скоро немцы повесят».

Видимо, поэтому семья вскоре перебралась в деревню Черный Яр.

Юрий Герман по жене и сыну очень тосковал, но что поделаешь, если идет война, поэтому виделся с семьей нечасто, все свои силы отдавая творчеству. За это время помимо корреспонденций, отосланных в газеты, им было написано несколько произведений о войне и о Заполярье – повести «Би хэппи!», «Аттестат», «Студеное море», «Далеко на Севере» и пьесы «За здоровье того, кто в пути», «Белое море». Фрагменты недописанной повести «Здравствуйте, Мария Николаевна» о летчиках Северного флота стали исходным материалом для создания художественного фильма «Торпедоносцы», снятого в 1983 году Семеном Арановичем по сценарию Светланы Кармалиты и Алексея Германа. Кстати, Алексей Герман был очень этим фильмом недоволен, настаивал на четком следовании тому, что написано в сценарии:

«Вот, например, как картина начиналась на самом деле. Идет поезд, огромная очередь в сортир...»

Тут дело не в том, что Алексей Герман хотел к чему-нибудь придраться, – здесь проявился разный взгляд на жизнь. Семен Аранович показал подвиг военных моряков и самоотверженный труд тех, кто помогал им на земле. Быт летчиков, их личная жизнь – все это есть в фильме. В конце концов, там действуют вовсе не ходульные герои. Но Герману этого было мало, он хотел сделать упор на трудностях бытия, на неустроенности, чтобы на этом фоне более ярко выглядел трагический итог короткой жизни летчика Северного флота. К тому же исполнитель главной роли, Родион Нахапетов, ему очень не понравился – слишком уж красив. Но

чем же это плохо? Конечно, когда погибают люди, это в любом случае трагедия. И все-таки, если в мир иной уходит красивый, добрый, умный человек, становится особенно грустно на душе, словно бы кто-то намеренно выбирает лучшего на роль следующей жертвы. Понятно, что здесь я говорю не только о кино.

А вот о чем Юрий Герман писал Александру Штейну в то время:

«Написал одну пьесу, получилось, как говорят, ничего – взялся за другую, под названием «Далеко на Севере». Про фронтовых женщин-врачей. Получается хорошо, но немножко грустно».

Можно предположить, что литературная карьера Германа как началась словно бы по мановению волшебной палочки, так и продолжится. Ведь были подобные примеры – Александр Фадеев, Константин Симонов... Литературные генералы, они работали на страну, и государство им воздавало сторицей. Это нормально и естественно – людей, отдающих все силы, свой талант на службу людям, родине, надо поддерживать и поощрять, в особенности людей творческих профессий. Причина в том, что вдохновение не купишь в магазине. Не каждому тут повезет – вот ждешь вдохновение, а оно все не идет. Если же художника станут упрекать, что даром ест хлеб, что делает совсем не то, что надо, что не прислушивается к мнению тех, кто «наверху», тогда о вдохновении вообще не стоит говорить, словно бы никогда его и не было. В таких условиях могут существовать только послушные ремесленники, да и тем, видимо, не сладко.

И снова привожу отрывок из воспоминаний Александра Штейна:

«В заблуждении пребудет тот, кто по наивности станет разглядывать портрет вне его контекста со временем, не соотнеся биографию моего друга с биографией эпохи... Все было, не думайте, у сего облаканного рукой Горького литературного счастливого. Его литературная жизнь напоминала приливы и отливы, которые я наблюдал на берегу Кольского залива, у того самого студеного моря, которое описывал Юрий Павлович в своих северных повестях и романах... «Ура» и «караул» сменяли друг друга в литературной критике книг Германа, равно как анафемы и панегирики, признания, полупризнания, отрицания – полные, частичные. А иногда было одно глухое молчание... Его то переиздают подряд, без разбора и отбора, даже и то, с чем, по совести, не так уж надо торопиться. А то фатально не хватает бумаги на книги, которые настойчиво требует читательская заявка... И снова молчание, словно бы и нет такого литератора – Юрия Германа».

Подтверждением этих слов стали события, которые произошли после того, как семья вернулась в Ленинград. Военная тематика себя отчасти исчерпала, и Герман пишет сценарии к фильмам «Пирогов», «Белинский». В основу сценария о знаменитом хирурге Николае Ивановиче Пирогове были положены повести «Начало» и «Буцефал», написанные ранее. Все складывалось неплохо, однако вскоре начались неприятности.

## Глава 4. Я отвечаю за все

Случилось так, что Юрий Павлович похвалил в печати прозу Михаила Зощенко, совсем не предполагая, что выступает против линии всемогущей партии. Он исходил из того, что надо поддержать самобытного сатирика, тем более что они были соседями по писательскому дому на канале Грибоедова. Впрочем, особой поддержки вроде бы не требовалось, поскольку рассказы Зощенко еще в 20—30-х годах печатались огромными тиражами, да и позже с публикацией своих произведений у него не было проблем. Все бы ничего, но у писателя еще в детские годы обнаружилась склонность к навязчивой депрессии.

Мне приходилось уже писать о том, что литературное творчество может стать способом избавления от душевного недуга. Вынужденный разрыв с княгиней Киной Алексеевной Козловской в декабре 1917 года стал страшным ударом для Булгакова. Пытаясь заглушить боль, он пристрастился к морфию, и только совет доктора Кутанина подарил надежду: Булгаков стал писать, при этом он как бы перекладывал сердечную тоску на героев своих книг и понемногу избавлялся от мучавших его воспоминаний. Однако здесь все было достаточно банально – неразделенная любовь, несбывшиеся мечты. У Михаила Зощенко причины недомогания оказались куда более замысловатыми, в них непросто было разобраться. Поэтому он пошел иным путем – написал целое психологическое исследование, повесть «Перед восходом солнца», опубликованную в 1943 году. В ней он попытался анализировать особенности своего психического состояния. Вот несколько отрывков из его исповеди:

«Вкратце – это книга о том, как я избавился от многих ненужных огорчений и стал счастливым. Я сделал, в сущности, простую вещь: я убрал то, что мне мешало, – неверные условные рефлексы, ошибочно возникшие в моем сознании. Я уничтожил ложную связь между ними. Я стремился к людям, меня радовала жизнь, я искал друзей, любви, счастливых встреч... Но я ни в чем этом не находил себе утешения... Я был несчастен, не зная почему... мне было восемнадцать лет. Я хотел умереть, так как не видел иного исхода... Я пробовал менять города и профессии. Я хотел убежать от этой моей ужасной тоски. Я чувствовал, что она меня погубит... За три года я переменял двенадцать городов и десять профессий. Два раза в год я стал выезжать на курорты – в Ялту, в Кисловодск, в Сочи и в другие благословенные места... Однако лечение успеха не имело. И даже вскоре дошло до того, что знакомые перестали узнавать меня на улице. Я безумно похудел. Я был как скелет, обтянутый кожей. Я был молодым писателем. Мне было всего двадцать семь лет... Может быть, все-таки (снова подумал я) это та мировая скорбь, которой подвержены великие люди в силу их высокого сознания? Тут я подумал о своих рассказах, которые заставляли людей смеяться. Я подумал о смехе, который был в моих книгах, но которого не было в моем сердце».

Не стал бы углубляться в причины, которые привели Зощенко к такому состоянию, но вот наткнулся на книгу психолога и литературоведа Александра Эткинды, вышедшую в 1993 году, и решил процитировать здесь фрагменты уникального по своему содержанию заключения о болезни Зощенко, которое составил в 1937 году ленинградский врач И. Марголис:

«Кастрационный комплекс дополнен рядом ценных фактов из раннего детства больного. Больной сообщает о стойком аффекте страха, пережитом им во время хирургической операции по поводу незначительного заболевания вблизи гениталий. Это переживание было густо забыто (амнезия) и покрыто слоем менее ценных аффектов... Больной честно ищет в фактах прошлого остов своего страдания. Соппротивление часто мешает (ему) все узнать и все увидеть. Размеры сопротивления часто непонятны больному. Кастрация, произведя обеднение libido, лишила всю личность известного могущества, и это мешает ринуться в атаку на последние

твердыни невроза... Вечный фетиш большого бюста женщины, так влекущий и так мучающий больного, указывает путь к комплексу Эдипа и только к нему».

Судя по всему, врач оказался яростным поклонником Зигмунда Фрейда, хотя от властей наверняка это тщательно скрывал. Я же, не будучи дипломированным психоаналитиком, могу предположить, что на психическом здоровье Зошенко сказался разлад в его семье. Отец Михаила Михайловича, дворянин в третьем поколении, работал в мозаичной мастерской Императорской Академии художеств. Его трудами создан громадный мозаичный плафон на фасаде Суворовского музея, исполненный по эскизу художника Шабунина и изображающий «Отъезд Суворова из села Кончанского». В числе его творений Царские врата в Исаакиевском соборе, пророк Даниил в том же соборе и многие другие капитальные мозаичные работы. Проблема в том, что, как и многие художники, Михаил Иванович предпочитал богемный образ жизни, ну а мать – «всего лишь» дочь галантерейщика, в юности увлекавшаяся сочинением коротеньких рассказов. Дома нередко возникали ссоры, вызванные тягой Михаила Ивановича к прекрасному полу: случалось, он на несколько дней куда-то пропадал. Могла повлиять на юного Мишу и внезапная смерть отца от инфаркта в возрасте всего лишь пятидесяти одного года, и вслед за тем – резкое изменение в материальном положении. После потери кормильца семья, в которой было семеро детей, «осталась без всяких средств существования», как писали тогда петербургские газеты.

Однако для нас интерес представляет лишь то, что смех, юмор и сатира помогли Михаилу Михайловичу в какой-то степени излечиться от болезни. Но кто же мог предположить, что язвительные шутки Зошенко кому-то не понравятся? И вот когда началась чистка в литературных рядах, досталось не только юмористу, но и вполне серьезному писателю. А началось все с отзыва на повесть «Перед восходом солнца»:

«Тряпичником бродит Зошенко по человеческим помойкам, выискивая что похуже. В Советской стране немного найдется людей, которые в дни борьбы за честь и независимость нашей Родины нашли бы время заниматься «психологическим ковыряньем». Рабочим и крестьянам никогда не были свойственны такие «недуги», в которых потонул Зошенко. Как мог он написать эту галиматью, нужную лишь врагам нашей родины?»

Эта статья появилась в журнале «Большевик» в начале 1944 года, дав старт травле неудобного сатирика. А через два года, после публикации рассказа Зошенко «Приключения обезьяны», последовало постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»:

«ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно. В журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зошенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зошенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зошенко «Приключения обезьяны» (Звезда. 1946. № 5–6) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зошенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зошенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами. Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зошенко, тем более недопустимо, что редакции «Звезда» хорошо известна физиономия Зошенко и недостойное

поведение его во время войны, когда Зоценко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца», оценка которой, как и оценка всего литературного «творчества» Зоценко, была дана на страницах журнала «Большевик».

Такое впечатление, что не было войны, что руководители страны не сделали никаких выводов из пагубных последствий чисток в партийных рядах, в армии и среди интеллигенции. Снова те же интонации, что и на пленуме соборов Хамовнического района. Снова требование сомкнуть ряды, не допускать ни шага в сторону. Я допускаю, что проза Зоценко нравится не всем, да я и сам от его сатиры не в восторге, однако надо ли устраивать публичную порку, если можно было обойтись лишь мнением редакции, от которой всего-то и требовалось – отказать неудобному, неблагонадежному автору. Но в том-то и дело, что редакции «Звезды» и «Ленинграда» оказались не на высоте, нарушили идеологические установки, потому и потребовались жесткие оргвыводы.

Далее в постановлении речь идет о творчестве Анны Ахматовой и о журнале «Ленинград». Но вот находим там и имя Юрия Германа:

«Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства журналами и предоставил возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зоценко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах. Более того, зная отношение партии к Зоценко и его «творчеству», Ленинградский горком (тт. Капустин и Широков), не имея на то права, утвердил решением горкома от 28.I. с. г. новый состав редколлегии журнала «Звезда», в который был введен и Зоценко. Тем самым Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку. «Ленинградская правда» допустила ошибку, поместив подозрительную хвалебную рецензию Юрия Германа о творчестве Зоценко в номере от 6 июля с. г.».

Вскоре после этого для Германа настали грустные дни – издательство отказалось печатать повести «Студеное море» и «Жена», да и в сценарии к фильму «Пирогов» начальству что-то не понравилось. Что было делать? Тогда еще не существовало самиздата, да и путь за границу был закрыт – это уже гораздо позже появился выбор. Ну в самом деле, не бросать же Герману любимую работу! И где тогда взять средства на прокорм семьи? К тому же в памяти еще остался 37-й год, арест Ольги Берггольц и других писателей. Так стоило ли ради принципа рисковать благополучием семьи и собственным здоровьем? Зоценко этим не поможешь, он сам выбрал этот путь, раньше надо было думать.

Кстати, судя по воспоминаниям Михаила Германа, было чем рисковать в это голодное послевоенное время:

«В первые месяцы после возвращения из эвакуации я почти каждый день ходил в большую отцовскую квартиру на первом этаже, на Мойке, 25. Там меня кормили обедами... Богатая еда с непонятными мне пикантными соусами».

Еда едой, однако голодное время еще можно как-то пережить, а как перенести более тяжкие невзгоды?

«Отец, прямо упомянутый в постановлении... как мне рассказывали, вел себя в высшей степени достойно и решительно отказался каяться на всеписательском, в присутствии Жданова, собрании».

Видимо, Михаил Юрьевич не знал или не захотел понять, почему судьба смилоствивилась над отцом – в его воспоминаниях я объяснений так не нашел. Ну а причина оказалась в том, что под давлением партийных органов Юрий Павлович вынужден был повиниться:

«Шестнадцатого августа с. г. я не выступил на собрании писателей... Вернувшись ночью домой и прочитав «Приключения обезьяны», я еще раз понял, что выступить было необходимо: рассказ, разумеется, мерзейший, и я, конечно, виноват в популяризации Зощенки через печать... виноват и в тоне, и в содержании статьи...»

После того как гроза миновала, Герман пересмотрел свои ближайшие планы и обратился к любимой им теме о врачах – напомним, что он написал сценарий к фильму «Доктор Калужный», да и в фильме «Семеро смелых» был очень симпатичный врач, эту роль исполнила Тамара Макарова. В конце концов, профессия врача, она из самых благородных, тут даже при большом желании будет не к чему придраться. Юрий Павлович так объяснял свою привязанность к двум любимым темам:

«Хирурги и работники уголовного розыска близки друг к другу. Они всегда занимаются какими-то человеческими бедствиями, всегда борются за человека».

Как мы увидим дальше, писатель слишком рано поверил, что опасность миновала, – и в этот раз возможные последствия он не просчитал.

Однако пока что ничего не предвещало новой бури. Жизнь вроде бы наладилась, если верить воспоминаниям Алексея Германа:

«Папе первые автомобили доставались от Черкасова. Они очень дружили и друг друга любили. Более того, жена Черкасова Нина была многолетней любовницей папы, пока она старушкой не стала. Черкасов, как депутат Верховного Совета, покупал машины и ездил на них по полтора года. Наезжал не больше шестидесяти тысяч километров... – и каждую машину продавал папе... «Победы», потом «Волги».

И вот еще одно приятное воспоминание о том же времени:

«В 1948 году мы получили потрясающую квартиру на Марсовом поле, в лауреатском доме... Пятиметровые потолки, лепнина, замечательный паркет. Дом Адамини на углу Мойки и Марсова поля».

А через три года после написания сценариев к двум фильмам Юрий Павлович завершил работу над повестью «Подполковник медицинской службы». Это повесть о врачах, однако в ней была некая особенность – главный герой по национальности был не русский, не украинец или осетин, а почему-то еврей. То ли Юрий Герман решил, что теперь ему все можно, то ли просто надумал отразить реальную ситуацию в отечественной медицине, где евреев было очень много – напомним про запрет для русских на поступление в медицинские вузы, который был установлен в 20-е годы, надо полагать, не без участия Льва Троцкого. Впрочем, Алексей Герман утверждал, что отец написал повесть на пари, чтобы доказать, что «никакого антисемитизма в стране нет». На мой взгляд, такое может прийти в голову только спьяну, да и время было выбрано не самое удачное, поскольку как раз начался процесс над «врачами-убийцами». Трудно поверить, что Герман не читал газет, однако завершённая повесть сама просилась на страницы журнала. Начало было уже напечатано в «Звезде», вот тут-то и возникли новые проблемы:

«Попал папа и в кампанию против космополитов. Он был убежден в том, что антисемитизм придумали враги СССР, и написал повесть «Подполковник медицинской службы», главный герой которой был врач-еврей Александр Маркович Левин. За это папе быстро наклеили ярлык «оруженосца космополитизма», и даже Сталинская премия за фильм «Пирогов» не спасла. Договора расторгались, авансы взыскивались, зимние вещи отдавались в ломбард».

Именно так запомнилось это время Алексею Герману. Привычная жизнь рушилась, нужно было искать какой-то выход. А все потому, что Юрий Павлович не сделал нужных выводов из той истории 1946 года с ленинградскими журналами. Видимо, не нашлось сведущего человека, который мог бы подсказать: прежде чем что-нибудь писать, обратиться к товарищам из ЦК или, на худой конец, из местного парткома, согласуй с ними тему будущей книги, желательно даже фамилии героев, а вот тогда уж с чистой совестью пиши. Если, не дай бог, возникнут осложнения после публикации, будет на кого сослаться. Только беда тут в том, что вдохновение невозможно ни с кем согласовать, поэтому пишешь то, что подсказывает душа, не забывая себе голову вероятными последствиями. Такое в принципе возможно, если пишешь «в стол»? Увы, на этот вариант весьма популярному писателю невозможно согласиться. Тем более что в повести не было никакой идеологической крамолы, не было «засекреченных» персонажей, как у Булгакова в «Мастере и Маргарите», поэтому Герман и отдал ее в журнал. Кто же мог знать, чем все закончится?

И вот Юрий Павлович снова вынужден был извиняться, признавать свою «вину» – вместо продолжения повести, в следующем номере журнала появилось его покаянное признание:

«Моя повесть «Подполковник медицинской службы», напечатанная в журнале «Звезда» (1949. № 1), была подвергнута принципиальной и справедливой читательской критике. Было указано, что главный герой повести доктор Левин живет замкнувшимся в своем ограниченном мире, целиком погружен в свои страдания, что такой человек не имеет права называться положительным героем. Душевное самокопание ущербного героя, сложность его отношения к людям – все это вместе взятое создало неверную картину жизни госпиталя гарнизона. Осознав эти ошибки, я не считаю возможным печатать продолжение повести в журнале «Звезда», так как она нуждается в коренной переработке с первой главы до последней».

Пожалуй, единственный вариант в подобных скорбных обстоятельствах – это написать патриотическую книгу из истории России. Тогда уж точно не потребуются никаких согласований. Тема подвига русского народа, великих преобразований всегда найдет понимание в верхах, а поскольку речь о давнем прошлом, даже злопыхателям будет не к чему придраться. К этому времени были уже написаны пьеса «Белое море», повести, посвященные жизни на Русском Севере, очерки по истории создания русского флота. И вот накопленный материал был взят за основу при создании новой книги. Итогом многолетней работы Юрия Германа стал роман «Россия молодая». В 1952 году его напечатало издательство «Молодая гвардия» – это была объемистая книга в девятьсот с лишним страниц, к ней прилагались старинные карты «Государева дорога» и «Нападение шведских кораблей на Новодвинскую крепость в июле 1701 года».

На тот случай, если кто-то не читал книгу и не успел посмотреть фильм, не один раз показанный по телевидению, попробую кратко рассказать о содержании, придерживаясь стиля, принятого при написании аннотаций к книгам. Так вот, целью писателя было создание многоплановой картины той эпохи. Роман повествует о том, как поднимается русская нация, как руками талантливых мастеров создается русский флот, как царь Петр прорубает «окно в Европу», как под свист плетей строится будущее нашей страны. Сюжет построен на приключениях Сильвестра Иевлева, офицера петровской армии, и кормчего Ивана Рябова, по духу своему настоящего бунтовщика. И вот рядом с пыточными застенками расцветает любовь Иевлева и очаровательной девицы Маши. А лихой лоцман Иван Рябов, пройдя через тяжелые испытания, остается верен своей обожаемой Таисье.

После выхода романа в свет тучи над Юрием Германом рассеялись, однако не столько благодаря удачно выбранной теме, а потому, что умер Сталин.

Теперь вроде бы появилась возможность работать, не обращая внимания на мнение товарищей из ЦК и не оглядываясь по сторонам, не прислушиваясь к шорохам за дверью, хотя последствия перенесенных волнений привели к ухудшению здоровья – в 1955 году Юрий Павлович перенес инфаркт. Впрочем, есть и другая версия происхождения инфаркта, об этом Герман по секрету сообщил своему другу кинорежиссеру Козинцеву:

«Действительно стукнул инфаркт. Было это так: моя докторша очень ворчала, что я «не оформляю себе живот», т. е. не худею. И сказала, что я должен принять решительные меры. Я их принял: после нарзанной ванны сразу пошел на Красное Солнышко – бодрым шагом матерого альпиниста. Там стукнул коньячку, чего Таня до сих пор не знает. Оттуда пришел в санаторий и сразу же был вызван к инструкторше физкультуры. Она гоняла меня – раз, два, три, четыре, на носочках, на носочках, подбородок выше, живот втяните!.. Тут стали уезжать москвичи – я поперся их провожать. Таскал ящики с фруктами, выпил на вокзале шампанского. В 10.30 повалился спать. В четыре часа ночи проснулся от нестерпимой боли возле шеи. Болели ноги еще. Стал вертеться волчком по комнате, потом разобрал, что болит еще и левая рука, и сердце. Намочил полотенце под краном и прижал его к своему тухлому сердчишке. Не помогло. Тогда я выскочил на балкон – голый. Тоже не помогло. Тогда я натянул порточки и позвал сестру. Она в ужасе оторвала от моего тельца мокрое полотенце, дала валидолу. Ничего. Раз нитроглицерин – ничего. Еще раз – без толку. Тут я вроде бы потерял сознание. Смутно помню, что кололи без конца атропин, морфий и разное другое».

Немного поправив пошатнувшееся здоровье, Герман продолжил работу над любимой темой о врачах и за несколько лет написал целую трилогию: «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек» и «Я отвечаю за все».

В первой части трилогии главный герой, хирург Владимир Устименко, делает первые шаги в профессии, которой посвятит всю оставшуюся жизнь. Требовательность к себе и своим коллегам делает Устименко неудобным для тех, кто хочет жить бесконфликтно, сосредоточившись на своей карьере. Юрий Герман говорил, что вложил в этот образ все лучшее, к чему стремился сам.

Вторая часть трилогии посвящена судьбе Владимира Устименко во время Великой Отечественной войны. Место действия – партизанский отряд, затем фронтовой госпиталь, где хирург Устименко оперирует почти без сна и отдыха. А на этом фоне – встречи и расставания, предательство и новые встречи с интересными людьми, которые все свои силы отдавали освобождению Родины, победе над фашизмом.

Последняя часть трилогии посвящена жизни главного героя в послевоенное время. Теперь он доктор наук, у него семья, однако с женой они давно чужие. А самый дорогой для него человек – это давняя подруга и одноклассница, которой он спас жизнь во время войны. И все же самые сильные страницы романа посвящены Аглае Петровне, тетке Владимира Устименко, ставшей жертвой несправедливости, но выжившей в сталинских застенках.

В конце 50-х и в начале 60-х годов имя Юрия Германа было у многих на устах, а книги писателя печатали огромными тиражами самые крупные издательства: «Советский писатель», «Молодая гвардия», Лениздат, «Советская Россия», «Искусство», не говоря уже о Госполитиздате.

## Глава 5. Дорогой мой человек

В 50-х годах Юрий Герман написал сценарии для фильмов «Дело Румянцева» и «Дорогой мой человек», поставленных Иосифом Хейфицем. Фильмы пользовались большой популярностью у зрителей – тут сыграла свою роль не только режиссура, но и прекрасная игра актеров, прежде всего Алексея Баталова, «артиста на все времена и для любого сюжета», согласно определению все того же Хейфица. В одном из интервью на вопрос о любимой роли Алексей Владимирович ответил так:

«Доктор Устименко из фильма «Дорогой мой человек». У нас с ним даже судьбы похожи. В картине прямо не сказано, что у доктора всех родственников репрессировали, но режиссер Иосиф Хейфиц и автор сценария Юрий Герман мягко подводят зрителя к этому выводу. Кстати, вот вам журналистская сенсация. «Дорогой мой человек» – вовсе не экранизация романа Германа, а как раз наоборот. Сначала был написан сценарий, а уже потом, на его основе, – роман. Что до моего сходства с героем, то у меня тоже репрессировали деда и бабушку».

Считается, что после успеха фильма «Дело Румянцева» Юрий Герман роль Владимира Устименко писал в расчете на то, что исполнять ее будет именно Баталов.

Кстати, с Алексеем Баталовым связана любопытная история, о которой рассказывал сын Алексея Юрьевича Германа:

«Дед в буквальном смысле слова спас Алексея Владимировича, когда тот отказался играть в кино Ленина. В советские времена это означало конец карьеры. Руководству «Ленфильма» поступило указание из Госкино провести партийное собрание и осудить артиста Баталова. Строгий выговор – самое легкое, что грозило, могли просто сломать жизнь. Дед услышал об этом и явился на партсобрание.

– Артист проявил крайнюю степень политической безграмотности, – говорили начальники...»

На этом прерву рассказ Алексея Германа-младшего и предоставлю слово самому «виновнику торжества», Алексею Владимировичу Баталову:

«Дело было так. Я в то время работал на «Ленфильме», снимался у Хейфица. Иду как-то по коридору студии, подбегает ко мне помощник одного режиссера. Очень радостный сам и явно хочет обрадовать меня:

– Поздравляю, ты будешь играть Ленина в молодости!

В ответ я с ходу выпалил:

– Ты с ума сошел? Я ни за что не буду его играть!

Развернулся и ушел. Вечером об этом говорил весь «Ленфильм». Хейфицу звонил Юрий Герман, объяснял, что я ненормальный. Он же потом и выручил меня на ближайшем художественном совете. Посередине чьего-то выступления он вдруг во весь голос говорит:

– Нет, это кошмар какой-то! Кто придумал Баталова в роли Ленина снимать? Вы что, пародию хотите сделать? Худой, длинный, с большим носом – это Владимир Ильич?! Кто это придумал?!

А Хейфиц ему подыграл, сказав:

– Юрий Павлович, вы, наверное, ошиблись.

– Я не ошибся. Вы, режиссеры, ничего не понимаете!

И совет попался на эту удочку. Все загалдели, зашумели, и моя кандидатура была снята с этой незавидной для меня роли. Не знаю, чем могло все это кончиться, если бы не помощь Хейфица и Германа».

Может показаться, что все это смешно, когда бы не было так грустно. Речь не о том, что после описанного эпизода кого-то взгрели по партийной линии – куда важнее причины, по которым Алексей Баталов отказался от столь лестного и многообещающего предложения:

«В Ленинграде, где планировались съемки, из-за меня погорели несколько партийцев – их сняли с должностей. Какой был скандал!.. Худсовет потребовал кандидатуру на замену. Под горячую руку попал Кешка Смоктуновский, который и сыграл Ильича. По-человечески мне, конечно, было жалко тех, кого сняли с работы, но и переступить через себя я тоже не мог: меня окружали люди, которые пережили сталинские репрессии. Слишком много горя я видел в упор. Маминых родителей тоже не миновала печальная участь – они были репрессированы».

Смоктуновского тоже можно понять: человек, «запятнавший» себя пребыванием в фашистском плену, не имел никакого права отказываться от подобной роли. Что же касается Алексея Баталова, то у него могли быть неприятности не только из-за отказа создать на экране образ вождя и даже не из-за того, что дед и бабка когда-то числились в эсерах, что и послужило поводом для их ареста. Его единоутробный брат, Михаил Ардов, в своих воспоминаниях указывает на дворянское происхождение их рода по материнской линии. Речь идет о прадеде, Антоне Александровиче Ольшевском, который, согласно семейному преданию, женился на графине Понятовской без благословения ее родителей и вынужден был из-за этого бежать из Польши во Владимир. Правда, это предание не стыкуется с тем фактом, что отец Антона Александровича, как утверждает Михаил Ардов, был главным лесничим Владимирской губернии. Более правдоподобная версия гласит, что прадед был потомком участника Польского восстания 1863 года, который содержался во Владимирском центральном доме. И уж совершенно точно можно утверждать, что отец Антона Александровича, Александр Семенович Ольшевский, до 1912 года занимал пост старшего лесного ревизора одного из урочищ Владимирской губернии, а должности главного лесничего в губернии вовсе не было.

Поскольку речь зашла об актере, который в значительной степени способствовал успеху фильмов, поставленных по сценариям одного из героев этой книги, позволю себе еще кое-что прояснить в том, что касается родословной Алексея Баталова, – думаю, никто не усомнится в том, что своим талантом и обаянием он обязан своим предкам как по отцовской, так и по материнской линии. Впрочем, определенную роль сыграло и непосредственное окружение:

«Я из невозможно актерской семьи. И родители, и дядя, и мои тетки – все актеры. Баталовых было так много, что Станиславский запретил им под одной фамилией работать. Только дяде – Николаю Баталову – фамилию оставили. Жена дяди стала Андровской. Моя мама – Ольшевской, отец – Аталовым. Еще были тети Муся и Зина, сестры отца и дяди, – и они выходили на сцену под разными фамилиями. И когда я после Школы-студии МХАТ пришел в театр, все обрадовались. Снова во МХАТе – фамилия Баталов».

Нет сомнений, что благотворное влияние на Алексея Баталова оказало и близкое знакомство с поэтессой Анной Ахматовой. Приезжая в Москву, Анна Андреевна непременно оставалась в квартире отчима Баталова на Большой Ордынке. В свою очередь Алексей Владимирович, снимаясь в фильмах Хейфица на «Ленфильме», жил у нее. Но первая их встреча произошла еще в то время, когда семья квартировала в доме номер 5 по Нащокинскому переулку:

«Когда мама вышла замуж за Ардова Виктора Ефимовича, я попал в первый писательский дом, который был построен недалеко от храма Христа Спасителя. У нас квартира была на первом этаже и, если окошечко откроешь, сразу начиналась земля. Это было очень удобно – меня родители выставляли через окно на улицу, и там я играл с пасынком какого-то приходившего к нам в гости дяди. Этим дядей оказался Булгаков. Сверху над нами жил Мандель-

штам, приходил и рассказывал сказки Юрий Олеша. Там же я впервые увидел Анну Андреевну Ахматову».

А между тем и Юрий Герман был хорошо знаком с Ахматовой – Анна Андреевна на лето снимала дачу в том же Комарове, где жили многие писатели. Литературовед Георгий Макаго-ненко описывает в своих воспоминаниях эпизод, участниками которого были Ольга Берггольд, Евгений Шварц и Юрий Герман. Это случилось в дождливый октябрьский день, когда Анна Андреевна пришла в дом Ардовых вымокшая до нитки, в насквозь промокших туфлях:

«Я усадил ее на стул и принялся снимать набухшие водой, летние, не приспособленные к октябрьским лужам башмаки. Позвал Ольгу Федоровну. Мгновенно оценив обстановку, она приказала:

– Принеси из ванной полотенце, из шкафа мои шерстяные чулки и уходи.

В дверях стоял Герман. На лице его судорожно бегали желваки. Я увел его в столовую. Не видевший того, что было в прихожей, Шварц обо всем догадался, проследив взглядом за мной, бежавшим с шерстяными чулками в руках. Минут через десять в столовую вошли Анна Андреевна и Ольга Федоровна. Анна Андреевна спокойно поздоровалась. Глаза присутствующих невольно устремились на ее ноги. Анна Андреевна стояла в теплых чулках – туфли Ольги Федоровны не подошли. Подвинув стул к камину, она села, сказав:

– Я погреюсь.

Странное впечатление производила ее фигура. У камина сидела уже немолодая, седая, бедно одетая женщина, без туфель, придвинув к огню озябшие на уличной стуже ноги. И в то же время во всей ее осанке, в гордо откинутой голове, в строгих чертах ее лица – все в ней было величественно и просто. Я уже знал, что при определении ее осанки часто употребляется эпитет – королевская, царственная. Этот эпитет, пожалуй, наиболее подходил и сейчас к озябшей женщине, сидевшей у камина. Бедность только подчеркивала ее достойную величавость...

Герман разлил коньяк, подал Анне Андреевне рюмку и провозгласил:

– За нашу Анну Андреевну, за нашу королеву-бродягу! – и поцеловал ее руку.

Губы Анны Андреевны чуть дрогнули в улыбке.

– Спасибо, – сказала она».

Ну что ж, теперь можно обсудить и родословную Алексея Баталова. А для начала сошлюсь на воспоминания его единоутробного брата Михаила Ардова:

«Моя бабка со стороны матери, Нина (Антонина) Васильевна, была довольно известным во Владимире зубным врачом. Родом она из дворянской семьи Нарбековых, у нее были две сестры и брат Николай Васильевич. Как это бывало в тогдашней интеллигентской среде, все они были враждебно настроены по отношению к власти и даже формально являлись членами партии эсеров (социалистов-революционеров). Притом Нина Васильевна возглавляла местную ячейку своей партии. (Впоследствии, уже при большевицком режиме, это обстоятельство сыграло роковую роль в судьбе моей бабки и ее брата.)»

Историки сообщают, что в XV веке, еще при великом князе Василии Темном, татарин мурза Багрим приехал из Большой Орды в Москву проситься на службу. Великий князь простил ему прежние грехи и жаловал землями. Если верить записям Бархатной книги русского дворянства, от Багрима произошли Нарбековы, Кеглевы (Теглевы) и Акинфовы. Сын Багрима (Абрагима или Ибрагима), крещенного под именем Илья, Дмитрий Нарбек стал родоначальником рода Нарбековых. Его сын Алексей получил прозвище Держава – считается, что от него произошел род Державиных.

В XVI–XVII веках Нарбековы принадлежали к «думским дворянам» – это была тоже знать, но только знать второго сорта, в отличие от родовитых дворян. Думскими дворянами

считались также Нарышкины, Нашекины, Пушкины, Толстые, Ртищевы. В те времена Нарбековы служили стольниками и воеводами, а их земельные владения располагались в Тверской, Ивановской и Московской губерниях. Возвышение Нарбековых состоялось в XVII–XVIII веках благодаря удачным замужествам некоторых особенно привлекательных представительниц их рода. Так, Екатерина Федоровна вышла замуж за князя Илью Милославского, а их дочь стала подругой жизни царя Алексея Михайловича. Известно, что во время крестьянского восстания Степана Разина царь Алексей Михайлович послал в Юрьевец полкового воеводу Василия Нарбекова на усмирение отряда восставших, прорвавшегося с Волги по Ветлуге и Ветлужскому волоку на Большой Сибирский тракт. Уже в XVIII веке состоялось бракосочетание Феклы Федоровны Нарбековой с князем Григорием Урусовым, будущим обер-комендантом Петропавловской крепости, а позже Нарбековы породнились и с семейством всемогущего канцлера Воронцова.

Как утверждают историки, род Нарбековых пресекался в первой половине XIX века. Надо полагать, что речь идет об отсутствии наследников той ветви рода, которая принадлежала к высшей знати. С этих пор Нарбековы приобрели известность как священнослужители. Красноречивый пример: знаменитая няня Александра Сергеевича Пушкина, Арина Родионовна, была в 1828 году «приобщена святых тайн и исповедана» иереем Владимирской церкви Алексеем Нарбековым.

Отсюда следует вывод, что те Нарбековы, которые в конце XIX века оказались во Владимирской губернии, не могли иметь ни привилегий, ни того достатка, которыми обладали некоторые представители их рода в XVII–XVIII веках. Можно поставить под сомнение и их дворянское происхождение. В самом деле, все служивые Нарбековы, обитавшие во Владимирской и близлежащих Нижегородской и Казанской губерниях, оказались лицами духовного звания. Например, среди выпускников Суздальского духовного училища с 1870 по 1910 год оказалось более двадцати Нарбековых. А ведь была еще Владимирская духовная семинария, не говоря уже о Казанской и Петербургской духовных академиях.

Из всех известных мне Нарбековых на роль отца Антонины Васильевны могут претендовать лишь два кандидата: Василий Андреевич и Василий Ксенофонович. О Василии Андреевиче известно, что он был сыном сельского псаломщика, имел жену и двух дочерей, а к 1903 году занимал пост профессора Казанской духовной академии по кафедре литургии и церковной археологии, имея чин статского советника и степень магистра богословия. Кстати, у Василия был брат Евгений, тоже ставший священником. Сомнения, тот ли это Василий, вызваны тем обстоятельством, что Василий Андреевич родился в 1862 году, в 1887 году закончил Казанскую духовную академию, а уже через год родилась Антонина Васильевна. Как она могла оказаться во Владимире, если отец ее вроде бы жил и преподавал в Казани? Кстати, проживавший в Москве накануне революции 1917 года статский советник и директор Ченстоховской мужской гимназии Михаил Васильевич Нарбеков вполне мог быть сыном Василия Андреевича, что говорит о том, что эта ветвь Нарбековых обладала достатком выше среднего.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.